

7. Isakova L.D. Harakternye svojstva lingvisticheskogo diskursa [Characteristics of linguistic discourse] / L. D. Isakova // M. : IPK MGLU «Rema», 2012. – 96 p. [in Russian]

8. Galushko T.G. Yazyk v svete sovremennyh koncepcij osnovanij nauki i problema glagol'nyh analiticheskikh konstrukcij [Language in terms of modern concepts of science foundations and the problem of verbal analytical constructions] : avtoref. dis. ... of PhD in Philology / Galushko Tamara Georgievna. – M., 1999. – 46 p. [in Russian]

9. Pugacheva E.F. Evolyuciya sredstv vyrazheniya kauzal'nyh otnoshenij v anglijskom yazyke nauchnoj prozy XVIII-XX vv. [in Russian]: dis. ... of PhD in Philology : defense of the thesis ... : approved ... / Pugacheva Elena Fedorovna. – M., 1996. – 199 p. [in Russian]

10. Kozhina M.N. O rechevoj sistemnosti nauchnogo stilya sravnitel'no s nekotorymi drugimi [On the speech consistency of scientific style in comparison with some others] / M. N. Kozhina // Perm' : Izd-vo Permskogo gos. un-ta, 1972. — 395 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.74.8.028>

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЧЭНЬЮЙ ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ И НЕПАРАЛЛЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Научная статья

Кобжицкая О.Г.*

ORCID: 0000-0001-8354-8896,

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

* Корреспондирующий автор (mingyun[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются способы повышения выразительности китайских фразеологизмов чэньюй. Чэньюй – это особый класс китайских фразеологизмов, построенных по нормам древнекитайского языка и отражающих самобытную культуру Китая. В статье анализируются структурно-семантические особенности двух разновидностей чэньюй: параллельной и непараллельной конструкции. В ходе исследования было установлено, что лексические и грамматические средства повышения выразительности чэньюй обеих разновидностей не совпадают в силу различной грамматической структуры и лексического состава чэньюй.

Ключевые слова: китайский язык, фразеологизмы, выразительность, параллелизм, четырехсловная модель, морфема, стилистические приемы, реалии.

EXPRESSIVE POSSIBILITIES OF CHENGYU PARALLEL AND NON-PARALLEL STRUCTURES

Research article

Kobzhitskaya O.G.*

ORCID: 0000-0001-8354-8896

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

* Corresponding author (mingyun[at]mail.ru)

Abstract

The article presents the ways to increase the expressiveness of Chinese phraseological units of Chengyu. Chengyu is a special class of Chinese phraseological units, built according to the norms of the ancient Chinese language and reflecting the distinctive culture of China. The article analyzes the structural and semantic features of two varieties of Chengyu: a parallel and non-parallel construction. In the course of the study, it was established that the lexical and grammatical means of increasing the expressiveness of the chengyu of both varieties do not coincide because of the different grammatical structure and lexical composition of chengyu.

Keywords: Chinese language, phraseological units, expressiveness, parallelism, four-word model, morpheme, stylistic devices, realities.

Китайские фразеологизмы чэньюй являются носителями культурных ценностей и широко используются в современном китайском языке. Благодаря яркой образности, чэньюй способны передавать разнообразные эмоционально-оценочные значения. Присутствие в них культурно-маркированных компонентов дает возможность получения знаний о культуре, истории и жизненном укладе китайского народа.

Несмотря на изученность их структуры, грамматических и лексико-семантических особенностей, все же остается недостаточно изученным вопрос о средствах, повышающих их выразительные возможности. Выразительность или экспрессивность – это выразительно-изобразительные качества речи, сообщаемые ей лексическими, словообразовательными и грамматическими средствами (экспрессивной лексикой, особыми аффиксами, тропами, фигурами) [9, С. 613].

В ходе исследования при отборе и использовании языкового материала использовался метод сплошной выборки из китайско-русских словарей и лексико-семантический анализ. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования представленного в нем языкового материала и результатов в курсах по стилистике китайского языка.

Выразительные особенности фразеологизмов чэньюй, которые заключаются в их семантической емкости, образности, экспрессивности, оценочности – проявляются во всех языковых стилях, начиная от разговорно-бытового, когда говорящий преследует цель эмоционального воздействия на собеседника, и заканчивая произведениями

художественной литературы и публицистики. В художественных и публицистических произведениях авторы намеренно используют чэньюй для придания большей убедительности и живости авторской речи, а также в качестве действенного средства воплощения художественного образа [1, С. 65].

Чэньюй 成语 – один из классов китайской фразеологии, представляющий собой устойчивое фразеологическое словосочетание, семантически монолитное, с обобщенно переносным значением [5, С. 39]. Чэньюй относится к идиоматике китайского языка, поэтому его нередко переводят на русский язык словом «идиома». Основным свойством идиоматичности является полное переосмысление исходных лексических компонентов, при котором значение фразеологизма в целом не выводится из значений составляющих его компонентов.

Структурно-грамматические и лексические особенности чэньюй обусловлены их древнекитайским происхождением. Односложные слова древнего языка вэньяня в составе чэньюй, лишённые каких-либо морфологических показателей, как правило, группируются в ритмическое четырехсловное словосочетание, реже в предложение. Такая четырехсловная модель является оптимальной для построения любой грамматической конструкции. Как отмечает И. В. Войцехович, «именно в четырехзначном чэньюй решается задача выражения глубины содержания путем использования минимального числа языковых средств» [3, С. 30].

Неслучайно в древние китайские произведения – поэтические сборники и философские трактаты были включены четырехиероглифические предложения. Они легко рифмовались и, благодаря своей простоте и ритму, передавались из поколения в поколение, постепенно превращаясь в готовые выражения – чэньюй [11].

Половина фразеологизмов класса чэньюй построены на основе приема параллелизма. Это так называемые чэньюй параллельной конструкции. «По своему физическому объёму чэньюй параллельной конструкции неизменно представляют собой четырехморфемные образования» [5, С. 40]. В чэньюй параллельной конструкции представлен количественный (два двучленных звена), грамматический (идентичность синтаксической структуры обоих звеньев), лексико-семантический (лексико-семантические соответствия) и частично фонетический (закономерные сочетания тонов) параллелизм.

Необходимо пояснить важность для китайского языка понимания морфемы как языковой единицы. Морфема рассматривается как минимальная значимая часть слова. Такое понимание морфемы в равной степени относится к любым языкам. Однако существенным отличием китайского языка от других языков является возможное совпадение в звуковых границах самостоятельного слова и морфемы. Различие между словом и морфемой проявляется в их качестве – наличии или отсутствии свойства синтаксической самостоятельности. Таким образом, «нев्यделимость морфемы как элемента материально отличимого по своим свойствам от слова, есть важная типологическая черта китайского языка» [10, С. 62]. Поэтому формулировку В. И. Горелова «четырёхморфемные образования» следует также понимать как «четырёхсловные образования».

Стремление к парности и симметрии в китайском языке можно объяснить особенностью слоговой структуры китайского языка, а также характером фонетического строя. Кроме того, парное построение является наиболее гармоничным способом воплощения музыкальности и стройности китайской речи и удовлетворяет эстетическому требованию китайской культуры.

Основным фактором, повышающим выразительность чэньюй параллельной конструкции, является использование синонимов, антонимов или слов, входящих в одну понятийную ассоциацию [3, С. 57]. Например, 水落石出 *shuǐ luò shí chū* вода спадет, камни обнаружатся, обр. в знач. тайное да станет явным. В этом примере существительные 水 «вода» и 石 «камень» относятся к одному понятийному ряду явлений природы; глаголы 落 «падать» и 出 «появляться» обозначают действия. Грамматическая структура обоих звеньев выражена по схеме: подлежащее + сказуемое [7, С. 408].

翻江倒海 *fān jiāng dǎo hǎi* перевернуть реки, перевернуть моря, обр. в знач. совершить грандиозные дела; переворачивать все вверх дном [6, С. 217]. В данном чэньюй сопоставляются глаголы-синонимы 翻 и 倒 «перевертывать, переворачивать»; существительные 江 «река» и 海 «море» относятся к одному понятийному ряду явлений природы.

天昏地暗 *tiān hūn dì àn* небо во мгле, земля во мраке, обр. в знач. непроглядная тьма; не зги не видно [6, С. 303].

沐雨栉风 *mù yǔ zhì fēng* мыться под дождём, причёсываться ветром, обр. в знач.: жить в тяжелых условиях [6, С. 312].

摩拳擦掌 *mó quán cā zhǎng* тереть кулаки, растирать ладони, обр. в знач. готовиться к драке; приниматься за работу, засучив рукава [6, С. 211].

В чэньюй 乐尽悲来 *lè jìn bēi lái* радость иссякает, грусть придет, обр. в знач. на смену радости приходит печаль используется прием антитезы, создающий стилистический эффект контраста.

Попарно связанные слова из звеньев (1-3) 乐 «радость» и 悲 «печаль», звеньев (2-4) 尽 «иссякать» и 来 «приходить» являются антонимами.

十死一生 *shí sǐ yī shēng* один шанс из десяти остаться живым; смертельно опасный, обр. в знач. десять смертей, одна жизнь [8, С. 797].

胆大心小 *dǎn dà xīn xiǎo* храбрый, но осторожный, букв.: желчный пузырь большой, сердце маленькое [6, С. 14].

厚古薄今 *hòu gǔ bó jīn* ценить прошлое и пренебрегать настоящим, обр. в знач. предпочитать старину [6, С. 1099].

Большую роль в усилении выразительности чэньюй играют стилистические приемы – лексический и семантический повтор. Как известно, повтор может быть расчлененным, так и нерасчлененным. Параллелизму, как правило, сопутствует расчлененный повтор, когда повторяемые слова следуют на расстоянии. Например, 全心全意 *quán xīn quán yì* всем сердцем и всеми помыслами; беззаветно. В данном чэньюй используется повтор слова 全 «весь, целиком» и синонимичная пара 心, 意 «душа, сердце; желание, намерение» [8, С. 166].

不尴不尬 *bù gān bù gà* неправильный; запутанный, сложный [8, 598].

自吹自擂 *zì chuī zì lèi* курить фимиам самому себе, бахвалиться [8, С. 633].

百发百中**bǎi fā bǎi zhòng** на сто выстрелов – сто попаданий (обр. в знач.: *бить без промаха*) [8, С. 610].

Для семантического повтора характерно то, что смысл обоих звеньев выражается разными лексическими средствами. Например, 半升八合 **bàn shēng bā gě** половина *шэна* и *восемь гэ*, обр. в знач. *малая толика; некоторое количество* (только о сыпучих телах) [8, С. 864]. Данный пример следует пояснить. 升 *шэн* – это китайская мера объема, равная около 1 литра; 合 *гэ* – мера объема, равная 1/10 литра. Таким образом, смысл первого звена «половина *шэна*; 500-600 грамм» передается другими словами во втором звене «восемь гэ; 800 грамм».

放心托胆 **fàngxīn dàdǎn** успокоить сердце, увеличить желчный пузырь, обр. в знач. *смело, дерзновенно* [6, С. 375]

半斤八两 **bàn jīn bā liǎng** половина *цзиня* или *восемь лян*, обр. в знач. *что в лоб, что по лбу* [6, С. 153].

Иногда компоненты чэньюй рифмуются, что также повышает его выразительность: 见利忘义 **jiàn lì wàng yì** забывать о долге (поступаться принципами) ради выгоды. В данном примере рифмуются второй и четвертый компоненты с общей финалью *i* [6, С. 438].

饱食终日 **bǎo shí zhōng rì** вдоволь есть целый день, обр. в знач. *праздное времяпрепровождение* [6, С. 423].

宝刀未老 **bǎo dāo wéi lǎo** драгоценный клинок не старится, обр. в знач. *старый конь борозды не испортит* [3, С. 61].

辩才无碍 **biàn cái wú ài** красноречие не знает преграды, обр. в знач. *непрезойденный оратор* [6, С. 151].

Перейдем к рассмотрению второй разновидности чэньюй – непараллельной конструкции. Чэньюй непараллельной конструкции состоят из четырех, пяти и более морфем [5, С. 42]. На наш взгляд, чэньюй непараллельной конструкции выразительнее в сравнении с чэньюй параллельной конструкции. Так как, во-первых, в чэньюй данного вида допускается разнообразная синтаксическая структура, во-вторых, имеет место разнообразный лексический состав (союзы, предлоги, наречия, различные семантические разряды существительных).

Часто встречающийся тип чэньюй непараллельной конструкции – компаративный. Наличие компаративных союзов 如 «словно», 似 «как будто; похоже», 同 «как; одинаковый», 若 «как; как будто» указывает на присутствие в чэньюй явного сравнения 明喻. Например, 如虎添翼 **rú hǔ tiān yì** [как если бы] *тигру еще и крылья придать*, обр. в знач. *помогать и без того сильному хищнику* [8, С. 422].

Довольно часто имеет место употребление грамматических средств языка вэньян: подчинительного союза 而 **ér**, показателя атрибутивной связи 之 **zhī**. Для выражения противительных отношений одновременно употребляется наречие отрицания 不 **bù** и союз 而. Например, 不恶而严 **bù è ér yán** *быть не злым, а строгим*, обр. в знач. *внушать уважение, не прибегая к резкостям* [8, С. 599].

不劳而获 **bù láo ér huò** чужими руками жар загребать, обр. в знач. *получать выгоды без затраты труда* [8, С. 593].

不言而喻 **bù yán ér yù** понятно и без слов; само собой разумеется [8, С. 587].

安之若素 **ān zhī ruò sù** мириться с этим, как с обычным делом [8, С. 1033].

饱学之士 **bǎo xué zhī shì** ученый, эрудит, обр. в знач. *обладающий прекрасными знаниями* [8, С. 346].

Нерасчлененный повтор или редупликация, заключающийся в повторении слов, также находит применение в чэньюй непараллельной конструкции, ср. 气喘吁吁 **qì chuǎn xū xū** *задышаться, запыхаться, тяжело дышать*.

孜孜不倦 **zī zī bù juàn** стараться изо всех сил; работать без усталости [8, С. 1069].

循循善诱 **xún xún shàn yòu** быть терпеливым и искусным в воспитании и обучении, обр. в знач. *быть терпеливым и искусным наставником* [3, С. 60].

夸夸其谈 **kuā kuā qí tán** хвастаться без всякой меры [6, С. 270].

Чэньюй непараллельной конструкции отличаются сложной семантической природой, требующей специального разъяснения.

Например, об ученике, который превзошел своего учителя говорят: 青出于蓝而胜于蓝 **qīng chū yú lán ér shèng yú lán** *полученная из индиго синяя краска синее, чем индиго*, обр. в знач. *ученик превосходит своего учителя* [6, С. 226].

Нередко в составе чэньюй этой разновидности употребляются флоронимы, зоонимы, антропонимы, топонимы, относящиеся к культурно маркированной лексике и входящие в группу реалий – слов, называющих объекты, характерные для быта и культуры одного народа и чуждые другому [2, С. 47].

Например, 松菊延年 **sōng jú yán nián** *сосна и хризантема продлевают жизнь*. Данный чэньюй представляет собой пожелание долголетия, в нем используются существительные флоронимы 松 «сосна» и 菊 «хризантема». Сосна в Китае является символом долголетия и постоянства, хризантема – счастья и долголетия.

Приведем примеры чэньюй, содержащие существительные топонимы.

福如东海 **fú rú Dōng Hǎi** [Желаю вам] *счастья, подобно Восточно-Китайскому морю*.

寿比南山 **shòu bǐ Nán shān** [Желаю вам] *долголетия, как у Южных гор*.

黔驴之技 **qián lú zhī jì** проделки гуйчжоуского осла, обр. в знач. *не так страшен черт, как его малюют*.

Сложности с расшифровкой данного чэньюй начинаются с первого слова 黔, обозначающего старое название провинции Гуйчжоу. В этой провинции не разводили ослов, и когда один человек привел и оставил у подножия горы осла, не зная что с ним делать, люди и животные, не видевшие никогда осла, стали его пугаться. Вскоре стало понятно, что все, на что способен осел – это громко кричать и брыкаться. Поэтому этот фразеологизм обобщенно применяется к любым ситуациям, в которых речь идет об ограниченных возможностях человека [1, С. 74].

В составе чэньюй также употребляются антропонимы – существительные, обозначающие имя человека. Источником многих антропонимов, вошедших в чэньюй, послужили китайские классические романы и религиозно-философские притчи. Например, 东施效颦 **Dōng Shī xiào pín** *Дун Ши в подражание ммурит брови*, обр. в знач. *слепое подражание; ворона в павлиньих перьях*. В основе данного чэньюй лежит философская притча о том, что уродливая баба по имени Дун Ши пыталась подражать красавице Си Ши, но от этого становилась еще уродливее.

Фразеологизмы с компонентом антропонимом обладают высоким уровнем абстракции [4, С. 38]. Имя собственное уже не используется для обозначения конкретного человека, но служит для выражения типичных черт любого другого объекта [1, С. 72].

愚公移山 Yúgōng yí shān Юй-гун передвинул горы, обр. в знач. упорным трудом достигнуть, казалось бы, невозможного [8, С. 881].

叶公好龙 Yègōng hào lóng Е-гун любит драконов, обр. в знач. любить лишь на словах [6, С. 142].

班门弄斧 Bān mén nòng fǔ хвастаться перед Лу Банем умением владеть топором, обр. в знач. брать на себя слишком много [6, С. 33].

Таким образом, проанализировав примеры чэньюй параллельной и непараллельной конструкции, мы пришли к следующим выводам. В силу структурно-грамматических особенностей чэньюй параллельной конструкции основными средствами выразительности в них выступают прием параллелизма, лексический и семантический повторы, рифма, а также использование синонимов и антонимов. Выразительные возможности чэньюй непараллельной конструкции обусловлены разнообразной синтаксической структурой, допускающей употребление служебных слов – союзов, предлогов, а также таких фигур, как редупликация. Лексический состав этой разновидности чэньюй более разнообразен, в них содержится большой объем лингвострановедческой информации.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Богаченко Н. Г. Лексико-фразеологическая составляющая кросскультурной коммуникации / Н. Г. Богаченко, О. В. Павлова, Ю. А. Сальникова. – Ульяновск: Зебра, 2016. – 190 с.
2. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 352 с.
3. Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка. Учебник / И.В. Войцехович. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 509 с.
4. Воропаев Н. Н. О проблемах описания прецедентных имен в китайскоязычном дискурсе / Н. Н. Воропаев // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей под ред. Н. В. Уфимцевой, В. В. Красных, А. И. Изотова. – М.: МАКС Пресс. – 2010. – Вып. 40. – С. 37–55.
5. Горелов В. И. Стилистика современного китайского языка. – М.: Просвещение, 1979. – 192 с.
6. Китайско-русский словарь / З. И. Баранова, В. Е. Гладцков, В. А. Жаворонков, под ред. Б. Г. Мудрова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1988. – 528 с.
7. Кобжицкая О. Г. Фигуры речи как средство выразительности в китайских фразеологизмах чэньюй / О. Г. Кобжицкая, А. С. Половникова // Молодой ученый. – 2017. – № 17 (151). – С. 408–410.
8. Ошанин И. М. Большой китайско-русский словарь в 4 томах / И. М. Ошанин, В.С. Кузес, Т. П. Ворожцова. – М.: Наука, 1983. – 1062 с.
9. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Астрель, 2001. – 624 с.
10. Солнцев В. М. Теоретическая грамматика современного китайского языка. Проблемы морфологии. Курс лекций / В. М. Солнцев, Н. В. Солнцева. – М.: Военный институт, 1978. – 152 с.
11. Чэн Юйсяо. Сопоставительный анализ русских и китайских фразеологизмов со значением «эмоциональное состояние человека» [Электронный ресурс] URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43298/1/m_th_y.cheng_2016.pdf (дата обращения 13.07.2018).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bogachenko N. G. Leksiko-frazeologičeskaja sostavljajushhaja krosskul'turnoj kommunikacii [Lexico-phraseological component of cross-cultural communication] / N. G. Bogachenko, O. V. Pavlova, Ju. A. Sal'nikova. – Ul'janovsk: Zebra, 2016. – 190 p. [in Russian]
2. Vlahov S. Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation] / S. Vlahov, S. Florin. – M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1980. – 352 p. [in Russian]
3. Vojcehovich I. V. Praktičeskaja frazeologija sovremennogo kitajskogo jazyka [Practical phraseology of modern Chinese language]. / I. V. Vojcehovich. – M.: AST: Vostok – Zapad, 2007. – 509 p. [in Russian]
4. Voropaev N. N. O problemah opisaniya precedentnyh imen v kitajskojazyčnom diskurse [About problems of describing the precedent names in the Chinese-language discourse] / N. N. Voropaev // Jazyk. Soznanie. Kommunikacija: Sb. statej pod red. N. V. Ufimcevoj, V. V. Krasnyh, A. I. Izotova [Language. Consciousness. Communication. Collection of articles edited by N.V. Ufimtseva, V. V. Krasnyh, A. I. Izotova]. – M.: MAKS Press. – 2010. – V. 40. – P. 37–55. [in Russian]
5. Gorelov V. I. Stilistika sovremennogo kitajskogo jazyka [Stylistics of modern Chinese language]. – M.: Prosveshhenie, 1979. – 192 p. [in Russian]
6. Kitajsko-russkij slovar' [Chinese- Russian dictionary] / Z. I. Baranova, V. E. Gladckov, V. A. Zhavoronkov pod red. B. G. Mudrova. – 2-e izd., stereotip [Z. I. Baranova, V. E. Gladckov, V. A. Zhavoronkov edited by B. G. Mudrov. –second stereotype edition]. – M.: Rus. jaz., 1988. – 528 p. [in Russian]
7. Kobzhickaja O. G. Figury rechi kak sredstvo vyrazitel'nosti v kitajskih frazeologizmah chjen#juj [Figures of speech as a means of expression in the Chinese phraseology Chengyu] / O. G. Kobzhickaja, A. S. Polovnikova // Molodoj učenij. – 2017. – 17 (151). – P. 408–410. [in Russian]
8. Oshanin I. M. Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' v 4 tomah [Great Chinese- Russian dictionary in four volumes] / I. M. Oshanin, V.S. Kuzes, T. P. Vorozhčova. – M.: Nauka, 1983. – 1062 p. [in Russian]

9. Rozental' D. Je. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Dictionary-reference of linguistic terms] / D. Je. Rozental', M. A. Telenkova. – M.: Astrel', 2001. – 624 p. [in Russian]

10. Solncev V. M. Teoreticheskaja grammatika sovremennoego kitajskogo jazyka. Problemy morfologii. Kurs lekcij [Theoretical grammar of modern Chinese language. Problems of morphology. Lecture course] / V. M. Solncev, N. V. Solnceva. – M.: Voennyj institut, 1978. –152 p. [in Russian]

11. Chjen Jujsjao. Sopotavitel'nyj analiz russkikh i kitajskih frazeologizmov so znacheniem «jemocional'noe sostojanie cheloveka» [Comparative analysis of Russian and Chinese phraseological units with the meaning “emotional state of person”] [Electronic resource] URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43298/1/m_th_y.cheng_2016.pdf (accessed: 13.07.2018). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.74.8.029>

СУТОЧНЫЙ ЦИКЛ ВРЕМЕНИ В ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ ХАКАСОВ И ТУВИНЦЕВ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Научная статья

Чугунекова А. Н.*

Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Россия

* Корреспондирующий автор (Chugunekowa[at]yandex.ru)

Аннотация

Данная статья посвящена выявлению и анализу темпоральных стандартных выражений, отражающих суточный отрезок времени в текстах героических сказаний хакасов и тувинцев. В ходе работы были выявлены выражения, отражающие утреннее, вечернее и ночное время. При анализе материала основное внимание автора было обращено на семантику и структуру выявленных выражений. Основным результатом данной статьи является определение средств выражения суточного цикла времени в текстах хакасских и тувинских героических сказаний и их сравнительный анализ.

Ключевые слова: категория времени, суточный цикл времени, хакасские и тувинские героические сказания.

DAILY TIME CYCLE IN HEROIC LEGENDS OF KHAKAS PEOPLE AND TUVINIANS (COMPARATIVE ASPECT)

Research article

Chugunekova A.N.*

Institute of Humanitarian Research and Sayan-Altai Turkology of Katanov State University of Khakassia, Abakan, Russia

* Corresponding author (Chugunekowa[at]yandex.ru)

Abstract

This article is devoted to the identification and analysis of standard temporal expressions describing time cycles in the texts of the Khakass and Tuvinian legends. In the course of the work, expressions describing morning, evening and night were revealed. When analyzing the material, the author's main attention was paid to the semantics and structure of the revealed expressions. The main result of this article is the definition of means for expressing daily cycle of time in the texts of the Khakass and Tuvinian heroic legends and their comparative analysis.

Keywords: category of time, daily time cycle, the Khakass and Tuvinian heroic legends.

Время, как и пространство, относится к базовой категории человеческого мышления. Оно является объектом внимания исследователей разных наук: философии, физики, культурологии, психологии, литературоведения, фольклористики, лингвистики и других.

В лингвистике в последнее время на материале разных языков большое внимание уделяется изучению моделей времени, выявляемых в фольклорных текстах (сказках, былинах, эпосах, пословицах и др.). Например, работа М. Надель-Червинской посвящена изучению моделей русской фольклорной сказки [1]; М. А. Кравчиньска свое исследование посвятила изучению темпоральных наречий русской сказки [2]; объектом внимания в исследованиях Г. Г. Кульсаринной стали слова и выражения, отражающие время в башкирских фольклорных текстах [8], [9], [10]; интересное исследование по выявлению темпоральных лексем в текстах тувинских героических сказаний проведено М. В. Ондар [3], изучению языка хакасского героического сказания «Алтын Арыг» посвятила свою работу О. В. Субракова [4], кроме этого в 2017 году вышла совместная статья Н.Н. Таскараковой и А.Н. Чугунековой, посвященная выявлению и анализу стандартных фраз, отражающих время в текстах хакасских народных сказок в сравнении с фразами, отражающими время в эпических поэмах [5].

Судя по собранному языковому материалу, в текстах героических сказаний достаточно много встречается устойчивых моделей, выражающих значение суточного отрезка времени. Такие устойчивые модели, как правило, называют по-разному: «стандартные фразы», «стандартные формулы», «стандартные выражения», «клише» и др.

Основной целью нашей статьи является выявление и описание стандартных выражений, отражающих суточный отрезок времени в текстах хакасских героических сказаний и сравнение их со стандартными выражениями тувинских героических сказаний.

До настоящего времени исследование в таком плане не проводилось, чем мы и определяем новизну данной статьи.

Материалом исследования послужили тексты хакасских героических сказаний «Алтын Арыг» и «Алтын Чүс», записанные от известного народного сказителя Хакасии С. П. Кадышева (1885-1977), «Айдолай», записанный от сказителя П. В. Курбижекова (1910-1966). Тувинский материал извлекался путем сплошной выборки примеров из